

Проклятый дом

Легенда 1-я.

Дом этот — проклятый, нечистое место. В нем черти водятся. Ну, как водятся? Не распложаются же, как цыплята из—под курицы, а беснуются. Соберутся, один на гармонике жарит, другой — в тулумбас... бум... бум. Прочие — то хвосты задерут и пошли отхватывать... Народ так рассказывает, а верно ли — не знаю. Будто с 12-ти часов ночи начинается. И такого трепака разделявают! Уж они на это мастера... На хорошее-то их не толкнешь, а вот плясать да матерно ругаться — это самое разлюбезное ихнее дело. Очень на то горазды. И будто в этом доме мать с сыном в блюде жила. Сын взял да и зарезал мать, а после того сам удавился. И вот с этого времени черти и облюбовали этот дом. Пошло по ночам беспокойство. Люди и не хотят в нем жить. Толкуют вот так в народе. А может это и не так. Какой наш народ! Как примется плести... Особенно — бабы, сороки эти. Они тебе настрекочат, только слушай. И откуда что берется. Сорочья порода. Только бы язык чесать. Ну и не живет никто в этом дому. Да и какая неволя. Деньги заплати да и не спи по ночам, чертовскую музыку слушай. Да сгори он! Черти балы устраивают, а я деньги плати. Дураков нет — это оставьте. Ну, да ведь и то сказать: только разговор такой идет, а правда ли, нет ли — кто знает?!

*Записано мною в Москве от ломового извозчика, старика Кадушкина.
Настоящая фамилия его — Ларин...*

Легенда 2-я.

Говорят, будто целая семья, семь душ, повесилась в этом доме, будто жил один человек с женой и пятеро детей было. И вот этот человек фальшивые деньги делал, а дети и проболтались все малютки были. Полиция и дозналась. Пришла арестовывать. Двери заперты изнутри. Сколько ни стучались — не отворяют. Взломали дверь. Смотрят — висят муж, жена и пятеро детей. Будто в газетах писали об этом.

Рассказывал в харчевне неизвестный мне рабочий.

Легенда 3-я.

Про этот дом рассказывают на разные лады. Вот будто по ночам кто-то ходит по комнатам, стонет. Говорят муж жену зарезал, а сам застрелился. А за что — не знаю. И вот после этого никто не хочет жить в этом доме.

Рассказывал укладчик дров на дровяном складе, Андрей Яковлев.

Легенда 4-я.

Слышал еще до войны — будто привидение по ночам ходило в дому. Все в белом, а мужчина или женщина — разобрать нельзя. И был приказ, чтобы полиция подкараулила. Вот стали караулить. Смотрят — идет. Тут давай палить в него из револьверов. Зажгли огонь. Никого нет, а пули на полу лежат. Ну, может было что другое, а на привидение повернули. Да мне это ни к чему. Люди говорят, слушаешь — не заткнешь уши.

Рассказывал водопроводчик С. Менков.

Легенда 5-я

КНЯЗЬ ХИЛКОВ И ЕГО ЛАКЕЙ

Ты об этом доме меня спроси, я тебе все расскажу и разъясню, как и с чего это дело зачалось и чем кончилось.

А это будто в нем черти пляшут, балы устраивают, — ты этому не верь: это только белой кобылы сон, и больше ничего. Все это пустое. А что действительно в доме ночью и стуковень и громовень идет — так это верно.

Ты вот слушай, я тебе всю историю расскажу, кто этот дом построил, кто жил в нем и как на него нашло проклятье. Все это не зря, а дело серьезное.

Построен он давно, сто лет с лишком будет. Это сейчас же после того, как Наполеон из Москвы ушел. А строил князь Оболенский. Тогда вся Москва обгорелая была. Нарошно поджигали, чтобы французов выкурить. Всю Москву огню предали. Ну и допекли Наполеона, он и убежал.

Тут вот князь Оболенский и построил на Арбате дом. И раньше его же дом был на этом месте, да он сжег его. Ну, а жил он в новом доме, или не жил — не знаю. Одно знаю, что князь Хилков снимал в аренду этот дом, квартировал в нем, и в нем же свою кончину нашел. А князь этот был не простой — ученый человек. Раньше он за границей жил и учился. Все экзамены хорошо сдал, да мало ему этого было. У него, видишь ли, такая зацепка была в голове: хотел вторым Брюсом сделаться. Вот, видишь, какой он рейс взял. Вот какой полет захотел сделать человек!

И была у него старинная книга — Брюсово сочинение, — большие деньги он отдал за него, тысячу или полторы. Ну, понятно, человек хотел наукой навеки прославиться, — вот и не пожалел на книги деньги. А все же напрасно он так возмечтал — не сделался бы вторым Брюсом. Может, чем другим и прославился бы, только до Брюса не дошел бы. Это оставьте ваше попечение. И раньше многие добивались попасть в Брюсы, и теперь сколько профессоров и докторов добиваются, да не выходит ихняя затея. Вот и Хилков тоже возмечтал и принялся по Брюсовой книге учиться.

А жил скромно: пиров, балов не задавал и в карты не играл, не позволял себе этой мошеннической операции, ведь тут только шуллерам да жуликам везет, а честный человек — всегда в проигрыше. Самое мошенническое занятие, и тот, кто его выдумал, — обязательно был аферист на все руки, жулябия первого сорта.

Ну, а Хилков держал себя в стороне от этих картежников, да и голова у него была не тем забита. Жил потихонечку и прислуги немного держал: лакея да повара. А вот эта прислуга и погубила его. Повар-то, правда, не при чем, лакей постарался: он отправил князя на тот свет горшки обжигать.

И подлая же тварь был этот лакей! Забрал он в свою дурацкую башку такую вещь: волшебником захотел сделаться. Ну скажи пожалуйста, ему ли об этом помышлять? Лакейское ли дело заниматься волшебством?! Ведь при месте был человек: и жрал в волю, и жалование хорошее шло, и всегда одет чисто, обут, и работа легкая. Какого еще чорта не хватало!

Так мало этого — захотел еще в волшебники попасть! Разумеется, от сытого житья: закопался у подлеца жир. Понятно, от барина перешло к нему это. Может, барин когда и показывал ему эту книгу Брюсову, может хвастал, что вот, мол, через эту книгу того-то и того-то можно добиться.

Вот лакей и замыслил украсть у князя книгу. Думал — раскроет ее и сразу волшебством просветится. Хорошо заметил, какая из себя есть эта книга, и как раз князь пошел на прогулку — он ее и попер. Ну, царапнул он ее великолепно, а не знает, что с ней делать. Раскрыл и глаза вылупил — ничего не понимает. Ни одного слова. Видит — не про него писана эта грамота. Бился, бился — ничего не выходит.

А тут, как на грех, барин скоро с прогулки вернулся. Что тут делать? Испугался, закрутился, заметался, как бес от ладана, и не знает, как с книгой быть. Метался, метался, помчался на кухню да и сунул книгу под плиту. А повар свое дело делает, ему невдомек.

И тут слышит лакей — подает барин звонки, зовет его. Ну, летит. А князь — сам не свой: хватился книги, а книги нету. „Где, спрашивает, книга?“. Ну что сказать на это лакею! „Не могу, говорит, знать, ваше сиятельство, может куда завалилась“. „Поищи“, — говорит, князь. Вот лакей и принялся искать. Сюда заглянул, туда заглянул — нет нигде. Дурака такого валяет, морочит князя. Тут и князь стал помогать ему. Вдвоем принялись они передвигать столы, диваны, шкафы — на весь дом возню подняли. Ну, понятно, не нашли книги, давно уже истлела, дымом пошла.

А князь весь потемнел. Стоял, думал, думал... Выгнал лакея... Вышел лакей, стоит за дверью, думает — вот, вот барин позовет. Только не зовет его барин. Вот он набрался храбрости, заглянул в кабинет... Смотрит — висит в петле: гвоздь в стену вколотил и на шнурке повесился...

Тут лакей и заорал, гвалту наделал на целый дом. Сбежался народ, пришла полиция. Принялся пристав за лакея, за повара. А лакей говорит: „Ничего не могу знать, ваше благородие. Все книги читал, а какая причина — не знаю“. Ну понятно, погубил, чертова сволочь, человека — да и „не знаю“. А повар и на самом деле ничего не знает. Он на отлете, его дело кухня.

А как тут правды добьется, да и кому надо. Повесился и повесился. Значит, смерть такая пришла.

Ну, похоронили князя. После сродственники приехали, забрали имущество, освободили дом. Только не долго стоял этот дом порожняком: снял его один господин семейный. Снял и переехал. Вот живет сутки, живет другие, а на третьи — бежать. „Пускай, говорит, чорт в этом доме живет, а не я, православный христианин“. „Что такое? — спрашиваю“. — Да в нем, говорит, жить нет никакой моготы: как полночь, так тут и пошла по всему дому

возня: и столы, и шкафы, и диваны передвигают, и кровати и кушетки, и стульями гремят. Такой стуковень поднимут — волосы дыбом становятся. А засветишь огонь — нет никого, и все в порядке. Все на своем месте. Потушишь огонь — опять пошла возня".

Не поверили ему: думали — колокола льет. Ну, однако, и другие квартиранты больше трех суток не выживали, такое беспокойство. Вот и не стал никто в нем жить. Да будь он проклят, чтобы за свои деньги житья не иметь. А от какой причины эта возня — никто объяснить не мог. Потом—то уж лакеишка этот разъяснил.

А ему плохо пришлось, так плохо, что хуже и некуда: совсем спился, не за грош пропал. Не прошло ему злодейство его. Затосковал, стал пить. И на местах служил, не без дела был, а вот замучила тоска, он и принялся пить. Ну, как запил, его в шею: кому нужен пьяный лакей? А тут он давай пить и пить. Пропился до гола. Оборвался, обтрепался, в опорках — хитрованец настоящий. Все шлялся по кабакам, стрелял. Вот тут он и сделал разъяснение насчет этого шума, возни этой. „Это, говорит, покойный барин, князь Хилков Брюсову книгу ищет. Это он возню поднимает"! А сам плачет. „Я, говорит, всему причина, я погубил барина через свою собственную дурость". И рассказал, как он жил у князя Хилкова, как задумал сделаться волшебником, как книгу Брюсову украл и сжег, и как через это князь повесился. „Тут, говорит, во всем виновата моя глупость, не соображение. Князь хотел на Брюса экзамен сдать, так он ведь для этого учился, науку проходил. А я, говорит, без всякого учения хотел постичь волшебство. Вот, говорить, в чем моя ошибка была"! И все плачет... Ну, подносили кто рюмку, кто шкалик... Тоже ведь жаль человека, да уж и стар был... седой весь... Так он и околачивался по кабакам. Что это за житье! Хуже сабачьего! И подумаешь: ему ли не житье было. Все готовое, жалование хорошее... живи себе, не тужи... А вот по глупости сунулся не в свое дело, и человека погубил, и сам на мучение пошел... дошатался, на улице и помер. Кто же виновят, как не сам!.

Записано в Москве от картузника Семена Кондрашева , лет 50.

Легенда 6-я.

Давно знаю этот домина, лет 30: все пустоует, все порожняком стоит. Никто жить в нем не хочет от беспокойства... Покою нет.

Слышал — таксе тут дело: будто, как полночь, музыка и заиграет похоронный марш... настоящая взаправдашняя музыка. Ну, играет во всю... А как дадут свет — нет никого, ни единой души... Погас свет — опять началась музыка... Ну, вот это беспокойство и есть, а прочее все спокойно — никакого скандалу нету. Конечно, какой сон при музыке. Ну, вот по такой okazji и нет квартирантов. Да и кто пойдет в квартиру такую с музыкой? На беса она сдалась.

А музыка эта вот откуда — тут происшествие. Кровь человеческая тут пролилась. Один граф ли, князь ли, смерти себя предал. Из полковников был и жил в этом доме. А жена у него — красавица на всю Москву. Вот через нее и пошло: с офицером драгунским сбежала. А полковнику от этого срамota. Вот он и стал скучный. День, другой, сумрачный ходит... все молчит... После того созвал офицеров — пир устроил. Вот и сидят эти господа, пьют, едят. И музыка тут играет... Ну, одним словом, бал. А на дворе ночь. Вот полковник говорит:

„Вы на часы смотрите, как будет двенадцать часов, скажете мне“.

Ну они не знают к чему это, а все же давай смотреть на часы. Ну, хорошо... Вот смотрят на стрелку. И вот стрелка как раз на 12-ти остановилась... Они и говорят:

„Ровно 12, минута в минуту“.

Тут он шампанского стакан выпил.

„Я, говорит, через срамоту пропадаю: жена осрамила меня кругом. Я через эту срамоту и глаза никуда показать не могу“.

И после этого приказывает солдатам музыкантам:

„Музыка, играй похоронный марш!“.

И как музыка заиграла, он и бабахнул себе в висок. И тут ему конец. Ну, сам себя убил — его дело. Чего уж тут. Конечно, нехорошо, грешно...

Он вот виноватит жену: срамоту напустила на него. Да, ведь, как тут по совести рассудить? Ну, убежала, не она первая, не она последняя. Мало ли таких канареек. Сколько угодно — и что же! Все в висок себе стрелять за такую пустяковину. Конечно, ему срамota: полковник, а жена беглянка. Ну, не стерпел и сгинул через эту канарейку самую. Только нехорошо и грех большой...

Ну, так вот с той поры в этом доме музыка играет. Ну, какой квартирант станет жить! Жуть возьмет такая... И скажешь: „И даром не надо мне этого дома“.

И давно толкуют про это самое, ну которые и говорят — неправда. Ну, ежели неправда — с чего же никто не нанимает его? Квартиранта и арканом в него не затанешь. Стало быть, правды-то есть сколько-нибудь. Вот и хозяин, сказывают, давно откачнулся от него. Продавал все... Расхваливал — хороший домик. Только, видно, дураков еще не нашлось, что бы этикие дома покупать. Вот он и стоит без квартирантов... с одной этой музыкой.

Записано от старика нищего, Алексея Голубева, крестьянина Тверской губ.

Е. З. Баранов. Московские легенды. Выпуск I, Москва, 1928.